

С-79

1799

1949

Профессор
Н. Н. СТЕПАНОВ

**ИСТОРИЧЕСКИЕ
ВОЗЗРЕНИЯ
А.С. ПУШКИНА**

*ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
по распространению политических и научных знаний
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ*

1949

85, 211 57
8-7
4

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
по распространению политических и научных знаний
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.С.ПУШКИНА

Профессор
Н. Н. СТЕПАНОВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ А. С. ПУШКИНА

СТЕНОГРАММА ПУБЛИЧНОЙ ЛЕКЦИИ,
прочитанной в 1949 году в Ленинграде

ЛЕНИНГРАД—1949

Исторические воззрения Пушкина всегда привлекали к себе внимание и литературоведов и историков. И это понятно. В творчестве великого русского национального поэта одно из важнейших мест занимала историческая тема. Разнообразные исторические эпохи и народы нашли яркое воплощение в творчестве Пушкина. На страницах его произведений отображены многие крупнейшие деятели и русской и западноевропейской истории.

В творчестве Пушкина античный мир восстает в таких произведениях, как «К Лицинию», «Торжество Вакха», «Гроб Анакреона», «К Овидию», отрывок «Цезарь путешествовал...», переводы из Ксенофана, Афенея, Иона, Анакреона и др.

Древний Восток отображен Пушкиным в «Египетских ночах», «Клеопатре», «Подражаниях Корану», отрывке «Когда владыка ассирийский...» и т. д.

Европейское средневековье проходит перед читателем в таких произведениях, как «Скупой рыцарь», «Сцены из рыцарских времен», стихотворение «Жил на свете рыцарь бедный...», замысел о «Папессе Иоанне». XVIII век, французская революция 1789 г. и время Наполеона изображены в послании «К вельможе», начальных главах «Арапа Петра Великого», в стихотворениях «Андрей Шенье», «Наполеон», «Наполеон на Эльбе» и др.

Страницы истории западных славян проходят перед читателем в «Песнях западных славян», истории Литвы в стихотворениях «Сто лет минуло как тевтон...», «Будрыс и его сыновья».

Охватывая своим творческим гением многие исторические эпохи и различные народы, Пушкин, прежде всего, был поэтом, отразившим историю своего народа, своей Родины. Многообразно и широко воспроизведена в творчестве Пушкина русская действительность и ее историческое прошлое.

В «Руслане и Людмиле» изображена легендарная эпоха богатырей. Киевскую Русь рисуют «Песнь о вещем Олеге», план пэмы о Мстиславе, фрагменты поэмы и трагедии о Вадиме.

Московская Русь предстает перед читателем в «Русалке»,

«Борисе Годунове», поэтическом отрывке «Какая ночь! Мороз трескучий!..», песнях о Разине, набросках повести о стрельце и боярской дочери и др.

Исключительно велико было внимание Пушкина к петровской эпохе — ее рисуют «Полтава», «Арап Петра Великого», «Медный всадник», «Стансы», «Пир Петра Первого» и др.

Крестьянская война под руководством Емельяна Пугачева отображена в таком полотно, как «Капитанская дочка». Широко и разносторонне представлено в творчестве Пушкина и время Александра I, 1812 год — в «Рославлеве», таких стихотворениях, как «Перед гробницею святой», «Полководец» и др., правительственная реакция — в эпиграммах на Александра, Аракчеева и др., движение декабристов — в X сожженной главе «Евгения Онегина».

Оценивая эту сторону творчества Пушкина, А. М. Горький писал: «Его произведения — драгоценное свидетельство умного, знающего и правдивого человека о нравах, обычаях, понятиях известной эпохи, — все они суть гениальные иллюстрации к русской истории».

Русская историческая тема проходит через все творчество Пушкина, начиная с лица, когда 16-летним юношей он задумывает писать героическую поэму «Игорь и Ольга», и кончая последними годами жизни, когда смерть заставит его надписанием труда по истории Петра.

Великий поэт Земли русской является одновременно и одним из наиболее замечательных ее историков. Поэт и историк в Пушкине органически едины. Это было верно подмечено еще просветителями 60-х годов. Н. А. Добролюбов указывал на «поэтическое и историческое изображение судеб России» как на дело, которое «должно было выполнить» Пушкину. Н. Г. Чернышевский в свою очередь подчеркивал: «он хотел быть русским историческим поэтом. «Борис Годунов», «Полтава», «Медный всадник», «Арап Петра Великого», отчасти «Капитанская дочка», были созданы не только художнической потребностью, но и желанием выразить свое определенное созерцание явлений русской истории».

Пушкинское «созерцание явлений русской истории», — понимание русского исторического процесса, отраженное и в художественных произведениях, и в исторических работах и этюдах, бесконечно выше всего того, что дала современная ему официальная русская историческая наука.

Пушкин далеко опередил современную ему историческую мысль. Историки-специалисты позже с изумлением констатировали этот факт. Так, крупнейший буржуазный историк второй

половины XIX в. В. О. Ключевский вынужден был признать: «Наша историография ничего не выиграла ни в правдивости, ни в занимательности, долго развивая взгляд на наш XVIII в., противоположный высказанному Пушкиным в одной кишиневской заметке 1821 г.». В. О. Ключевский признал, но не объяснил этот факт, хотя прекрасно понимал значение даже «отрывочных, мимоходом набросанных или неоконченных вещей» Пушкина. «Но эти-то вещи и имеют серьезную цену для историографии, — писал он, — Пушкин был историком там, где не думал быть и где не удастся стать им настоящему историку».

То, чего не мог объяснить Ключевский, легко понять сейчас в свете марксистско-ленинского понимания русского исторического процесса. Развитие русской исторической науки шло не только официальными, канонизированными путями. Передовая общественная мысль далеко опережала в постановке исторических проблем и вопросов официальную и университетскую науку. Исторические воззрения А. Н. Радищева бесконечно выше исторических взглядов его современников Щербатова и Болтина, точно так же, как исторические воззрения В. Г. Белинского превосходят взгляды его современников — Погодина и Кавелина.

Исторические воззрения Пушкина — важнейший этап в развитии передовой русской исторической мысли на пути от Радищева к Белинскому.

I

Уже в лицейские годы образы русской истории привлекали внимание Пушкина.

Царское Село с его парком, украшенным памятниками в честь русского оружия, было настоящим музеем русской истории.

Здесь каждый шаг в душе рождает
Воспоминанья прежних лет;

писал юный поэт.

В тени густой угрюмых сосен
Воздвигся памятник простой,
О, сколь он для тебя, Кагульской брег, поносен!
И славен родине драгой!
Бессмертны вы вовек, о Росски исполины
В боях воспитанны средь бранных непогод!
О вас, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдет молва из рода в род.
О громкий век военных споров,
Свидетель славы Россиян!

Ты видел, как Орлов, Румянцов и Суворов,
Потомки грозные Славян,
Перуном Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигам страшись дивился мир;
Державин и Петров Героям песнь бряцали
Струнами громозвучных лир.

(Воспоминания в Царском Селе)

Отечественная война 1812 г. пробудила еще больший патриотизм в поэте и любовь к историческому прошлому русского народа. Друг Пушкина И. И. Пущин писал позже об этой эпохе: «Жизнь наша лицейская сливается с политической эпохой народной жизни русской: приготавлилась гроза 1812 года. Эти события сильно отразились на нашем детстве. Началось с того, что мы провожали все гвардейские полки, потому что они проходили мимо самого лицея; мы всегда были тут, при их появлении, выходили даже во время классов... Когда начались военные действия, всякое воскресенье кто-нибудь из родных привозил реляции... Газетная комната никогда не была пуста в часы, свободные от классов; читались наперерыв русские и иностранные журналы, при неумолкаемых толках и прениях...»

Сам Пушкин вспоминал в 1836 г., в стихах, посвященных лицейской годовщине:

...текла за ратью рать;
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас...

Тема 1812 года и связанная с нею тема Наполеона становятся одними из центральных в творчестве поэта лицейской поры: Поэт подчеркивает народный характер войны:

Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем возжены.
Вострепещи, тиран! уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике у зришь Богатыря...

Он воспевает героев Бородина и Кульма.

Сыны Бородина, о Кульмские герои!
Я видел, как на брань летели ваши строи;
Душой восторженной за братьями спешил...

В творчестве поэта этого времени отражены и отдельные эпизоды войн 1812, 1813 и 1814 гг., и ссылка Наполеона на Эльбу с последующим возвращением во Францию («Наполеон на Эльбе»), и последний этап наполеоновских войн — 1815 год.

Поэт отмечает решающую роль России в освобождении народов Европы от наполеоновского ига.

И, челы приподняв из мрачности гробов,
Народы, падшие под бременем оков,
Тяжелой цепью с восторгом потрясали
И с робкой радостью друг друга вопрошали:
«Ужель свободны мы?.. Ужели грозный пал?..
Кто смелый? Кто в громах на севере восстал?..»

Поэта интересуют в лицее и образы древней русской истории. В 1813 г. он задумывает писать героическую поэму «Игорь и Ольга». Образами древней Руси навеяна и первая поэма Пушкина, начатая им еще в лицее, — «Руслан и Людмила». Некоторые исследователи указывают, что Пушкин познакомился в период создания «Руслана и Людмилы» и с летописью Никоновской, и с древними русскими стихотворениями, и со Словом о полку Игореве при посредстве Карамзина и Жуковского.

Особняком по своим историческим мотивам стоит одно из наиболее блестящих стихотворений Пушкина лицейской поры — «К Лицинию», рисующее античный Рим. Исключительно ярка концовка стихотворения, раскрывающая понимание Пушкиным Рима-республики и Рима-империи и понимание им причин падения Рима.

О Рим! о гордый край разврата, злодеянья,
Придет ужасный день — день мщенья, наказанья;
Предвижу грозного величия конец,
Падет, падет во прах вселенныя венец!
Народы дикие, сыны свирепой брани,
Войны ужасной меч прияв в кровавы длани,
И горы, и моря оставят за собой
И хлынут на тебя кипящею рекой.
Исчезнет Рим; его покроет мрак глубокой;
И путник, обратив на груды камней око,
Речет задумавшись, в мечтаньях углублен:
«Свободой Рим возрос — а рабством погублен».

По своим свободолюбивым, тираноборческим мотивам стихотворение следует сблизить с «Песнью исторической» А. Н. Радищева, дающей обзор истории республиканского и императорского Рима. Основные идеи Пушкина и Радищева в этих произведениях одни и те же.

И се в Риме удивленном
Своей властью и богатством
Возникают страсти бурны
И грозят уже паденьем.
Асия, Коринф и Греки
Повергают свои выи
Во ярем народа Римска.

Но во мзду рабства, сим мира
Повелителям надменным,
С золотом, с серебром, с богатством
Изрыгают в Рим все страсти,
Что затмят в нем добродетель
И созиждут ему гибель.

(Песнь историческая)

Томик сочинений А. Н. Радищева, вышедший в 1807 г., куда входила «Песнь историческая», был хорошо знаком уже Пушкину-лицеисту. Одним из источников Пушкинского «Бовы» был «Бова» Радищева, входивший в тот же томик 1807 г.

Петь я тоже вознамерился,
Но сравниюсь ли с Радищевым?

писал во вступлении к «Бове» Пушкин.

Влияние исторических идей А. Н. Радищева на воззрения Пушкина начинается, таким образом, еще в лицее и проходит через всю жизнь великого поэта.

Свободолюбивые мотивы в творчестве Пушкина ярки уже в лицейский период. По выходе из лицея Пушкин сближается с деятелями декабристского движения.

Органическая связь творчества Пушкина с декабристским движением отчетливо была раскрыта еще А. И. Герценом. Художественно рисует он состояние России после полосы наполеоновских войн.

«Громадный заговор охватил всю образованную Россию. Члены его заседали в царском совете и квартировали в военных лагерях. Среди них находились знаменитые генералы, блестящие офицеры, литераторы, аристократы, ученые. Дворцы Петербурга, салоны Москвы, главные штабы, канцелярии, даже школы были полны посвященных в тайну заговора или, по меньшей мере, сочувствующих ему. Новая, подвижная, лихорадочная жизнь поглощала всех. Все очнулись, почувствовали в себе бодрые, юношеские, победоносные силы, все вздыхали о свободе и верили, что так же, как победили Наполеона, победят и Александра, — и все ошибались. А ведь это были единственные прекрасные годы в жизни России со времени многих, многих веков. И совершенно естественно, что в этот период подъема и мечтаний явился великий русский поэт, Пушкин».

Пушкин — вдохновенный певец революционных идей декабризма, бросивший призыв к борьбе:

Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Творчество Пушкина 1817—1825 гг. органически связано с развитием революционных идей, подготовивших декабрьское восстание. Человек, любящий Россию, — патриот России — и революционер для Пушкина — синонимы. «Только революционная голова, подобная М. Орлову и Пестелю, может любить Россию — так, как писатель только может любить ее язык», записывает он в своих заметках в Кишиневе.

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

(К Чудаеву)

Стихи Пушкина этого периода — «К Чудаеву», «Деревня», «Вольность», «Кинжал» и другие отражали основные политические требования декабристов, — их борьбу против самодержавия и крепостного права. В острых и метких эпиграммах и сатирических стихотворениях поэт беспощадно бичевал Александра I и его ближайших помощников — Аракчеева, Голицына, Фотия и др. Поэт «подсвистывал Александру до самого гроба», как он вспомнит в письме к В. А. Жуковскому в январе 1826 г.

Исторические воззрения Пушкина периода 1817—1825 гг. тесно связаны с общим комплексом идей декабристов.

Общеизвестны исключительный интерес и внимание декабристов к истории и, прежде всего, к русской истории. Никита Муравьев пишет в 1818 г. «Мысли об «Истории Государства Российского» Карамзина». К. Ф. Рылеев в 1821—1822 гг. печатает «Думы», посвященные героическим темам русской истории (в 1825 году они вышли отдельным изданием). В 1825 г. выходит его же «Войнаровский». А. И. Корнилович в 1822—1825 гг. в различных изданиях печатает статьи по истории России XVII—XVIII вв. В 1825 г. под его редакцией выходит «Русская старина. Карманная книжка.»

Переписка Пушкина с его друзьями — декабристами и мемуарная литература живо восстанавливают нам их общий круг исторических интересов и идей.

«Первый декабрист» В. Ф. Раевский в литературном эскизе «Вечер в Кишиневе» так передает свое выступление по вопросам русской истории на одной из многочисленных литературных

дискуссий в Кишиневе в 1821—1822 гг., на которых присутствовал и Пушкин.

«Земля, на которой мы рыцарствуем теперь, некогда была театром войны и великих дел. Здесь процветали Никония, Офеус или Тира, Германиктис, отсюда Дарий Истасп, разбитый скифами в 513 году, бежал через Дунай, здесь предки наши, славяне, оружием возвестили бытие свое.

..Но согласись, что большая часть соотечественников наших столько же знают об этом, как мы об Атлантиде. Наши дворяне знают географию от села до уездного города, историю ограничивают эпохою бритья в России. . .»

Напомним, что позже Пушкин запишет в своих заметках: «Некоторые люди не заботятся ни о славе, ни о бедствиях отечества, его историю знают только со времени кн. Потемкина, имеют некоторое понятие о статистике только той губернии, в которой находятся их поместья, со всем тем почитают себя патриотами, потому что любят ботвиною и что дети их бегают в красной рубашке».

Тот же В. Ф. Раевский, арестованный в 1822 г., обратился к Пушкину со следующими выразительными строками в послании из крепости «К друзьям»:

Сковала грудь мою, как лед,
Уже темничная зараза,
Холодный узник отдаёт
Тебе сей лавр, певец Кавказа.

Оставь другим певцам любовь
Любовь ли петь, где брызжет кровь,
Где племя чуждое с улыбкой
Терзает нас кровавой пыткой,
Где слово, мысль, невольный взор,
Влекут, как явный заговор,
Как преступление, на плаху,
И где народ, подвластный страху,
Не смеет шопотом роптать.
Пора, друзья! Пора воззвать
Из мрака век полночной славы,
Царя — народа, дух и нравы
И те священные времена,
Когда гремело наше вече,
И сокрушало издалече
Царей кичливых рамена.

О том же пишут Пушкину и С. Г. Волконский и К. Ф. Рылеев позже, когда поэт находился в ссылке в селе Михайловском. В письме от 18 октября 1824 г. Волконский пишет: «Соседство и воспоминания о Великом Новгороде, о вечевом колоколе и об осаде Пскова будут для вас предметом пиитических занятий —

а соотечественникам вашим труд ваш — памятником славы предков и современника». К тому же призывает и К. Ф. Рылеев в январе 1825 г.: «Ты около Пскова; там задушены последние вспышки Русской свободы; настоящий край вдохновения — и неужели Пушкин оставит эту землю без Поэмы».

В сохранившемся отрывке ответного послания к В. Ф. Раевского поэт сочувственно отвечал:

Не даром ты ко мне воззвал
Из глубины глухой темницы.

Героические образы русской истории привлекают поэта. Многие из них находят в этот период отражение в его творчестве. Интересом к ним хочет заразить поэт и своих друзей. В письме к Н. И. Гнедичу в 1825 г. он пишет: «Я жду от вас Эпической Поэмы. Тень Святослава скитается не воспетая, писали вы мне когда-то. А Владимир? а Мстислав? а Донской? а Ермак? а Пожарской? История народа принадлежит Поэту!»

Уже в конце XVIII в. в трагедии Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский» Вадим выступает носителем республиканских идей, самоотверженным защитником былой вольности новгородцев. Защитником вольного Новгорода от насилия скандинавов, борцом за республиканский образ правления против «самовластительного» Рюрика выступает Вадим и у Рылеева. Легендарный защитник Новгорода произносит пламенную речь против «самовластительного» князя.

До какого нас беславия
Довели вражды граждан,
Насылает Скандинавия
Властелинов для славян!
Грозен князь самовластительный,
Но наступит мрак ночной
И настанет час решительный,
Час для граждан роковой.

«Вадим» Рылеева написан в 1822 году. В это же время набрасывает и Пушкин фрагменты поэмы и трагедии о Вадиме.

В отрывке трагедии Вадим обращается к Рогдаю:

Ты видел Новгород; ты слышал глас народа;
Скажи, Рогдай, — жива ль славянская свобода?
Иль князя чуждого покорные рабы
Решились оправдать гонения судьбы?

Рогдай отвечает:

Вадим, надежда есть; народ нетерпеливый,
Старинной вольности питомец горделивый,
Досадуя, влачит позорный свой ярем;

Младые граждане кипят и негодуют —
Вадим, они тебя с надеждой именуют...

В программах «Вадима» Пушкин набрасывает: «I сцена трагедии. Заговорщики собираются. Клянутся умереть за свободу Новгорода».

В наброске поэмы о Вадиме Пушкин создает романтический образ древнего воина-славянина:

Видал он дальные страны,
По суше, по морю носился,
Во дни былые, дни войны,
На западе, на юге бился,
Деля добычу и труды
С суровым племенем Одена,
И перед ним врагов ряды
Бежали как морская пена
В час бури к черным берегам,
Внимал он радостным хвалам
И арфам скальдов иступленных,
В жилище сильных пировал
И очи дев иноплеменных
Красою чуждой привлекал.

Помимо «Вадима» Пушкин обращается и к иным образам древней русской истории. Он берется за составление плана поэмы из древнерусской жизни. Набросок этого плана сохранился. В нем фигурируют Владимир и его сыновья, печенег и хозары, богатыри при дворе Владимира (Илья Муромец, Добрыня). Центральную роль, видимо, должен был играть сын Владимира Мстислав, совершающий ряд подвигов.

Судя по программе поэмы Пушкин думал ввести в нее сказочный и фантастический элементы и предполагаемая поэма должна была во многом напоминать «Руслана и Людмилу». Однако из приводимого Пушкиным списка сыновей и наследников Владимира и их уделов видно, что поэт внимательно изучал эту эпоху.

Вендом поэтического увлечения Пушкина мотивами древнерусской истории в этот период является, несомненно, «Песнь о вещем Олеге». Еще В. Г. Белинский восхищался этим произведением, указывая, что поэт «успел набросить какую-то поэтическую туманность на эту более лирическую, чем эпическую тему — туманность, которая очень гармонирует с историческою отдаленностию представленного в ней героя и события и с неопределенностию глухого предания о них».

Одним из идейных источников понимания Пушкиным вопросов ранней русской истории был, бесспорно, А. Н. Радищев, в частности его «Песни, петье на состязаниях в честь древним славянским божествам». Образ Радищева не покидает Пушкина и в этот период. «Как можно в статье о Руской словес-

ности забыть Радищева? кого-же мы будем помнить?» — пишет поэт А. А. Бестужеву 13 июня 1823 г.

«Песни древние» — это поэма о воинском героизме и духе свободы, искони свойственных русскому народу. И. Радищев в этом произведении и Пушкин в своих отрывках о «Вадиме» пишут о захвате чужеземцами древнего вольного Новгорода, о борьбе новгородцев против поработителей народа. Политически перекликаясь с Радищевым в оде «Вольность», Пушкин был близок и к радищевскому пониманию русской истории.

В ссылке на юге перед Пушкиным встали не только темы, связанные с историей русского народа. Поэт интересуется на Кавказе бытом и преданиями черкесов, в Бессарабии — молдаван и цыган.

По некоторым сведениям Пушкин сделал в Бессарабии записи «Дука. Молдавское предание XVII века» и «Дафна и Дабижа. Молдавское предание 1663 г.». О «Кавказском пленнике» сам Пушкин в письме к В. П. Горчакову писал, что «черкесы, их обычаи и нравы занимают большую и лучшую часть моей повести».

В «Кавказском пленнике» поэт ставит и тему завоевания Кавказа. В «эпиллоге» дается обзор русской военной истории, связанной с Кавказом; открывается он древним Мстиславом и заканчивается Ермоловым. Обращаясь к музе, поэт пишет:

Богиня песен и рассказа,
Воспоминания полна,
Быть может, повторит она
Преданья грозного Кавказа;
Расскажет повесть дальних стран,
Мстислава древний поединок...

И воспою тот славный час,
Когда, почуя бой кровавый,
На негодующий Кавказ
Подъялся наш орел двуглавый...

Но се — восток подымлет вой!..
Поникни снежною главой,
Смирись, Кавказ: идет Ермолов!

Поэт не увлекается, однако, в настоящем военными подвигами на Кавказе. В письме к брату 24 сентября 1820 г. Пушкин развивает экономические перспективы, связанные с мирным Кавказом. «Кавказский край, знойная граница Азии, любопытен во всех отношениях. Ермолов наполнил его своим именем и благотворным Гением... Дороги становятся час от часу безопаснее, многочисленные конвой — излишними. Должно надеяться, что эта

завоеванная сторона, до сих пор не приносящая никакой существенной пользы России, скоро сблизит нас с Персианами безопасною торговлею. . .»

Бессарабия также навевает на поэта воспоминания о военных подвигах русских. В эпилоге к «Цыганам» он вспоминает о ней, как о

.. стране, где долго, долго брани
Ужасный гул не умолкал,
Где повелительные грани
Стамбулу русский указал,

Наиболее значительными произведениями периода 1817—1825 гг., в которых Пушкин раскрывает свои исторические воззрения, являются «Заметки по русской истории XVIII века» (1822 г.) и «Борис Годунов». В этих двух произведениях совершенно различного жанра великий русский поэт с наибольшей глубиной и силой раскрыл свое понимание основных вопросов русской истории.

«Заметки по русской истории XVIII века» несомненно наиболее яркое произведение декабризма в области исторической литературы. Ни работа Никиты Муравьева, ни работы Корниловича при всем их интересе не могут идти в сравнение с этим историческим этюдом Пушкина.

«Заметки по русской истории XVIII века» — очерк русской истории, охватывающий весь XVIII век. С позиций дворянского революционера Пушкин останавливается на важнейших вопросах истории того времени.

Изложим основные идеи этого произведения, используя, прежде всего, текст Пушкинна, так как поэт в необычайно сжатой форме обобщает колоссальный исторический материал.

«По смерти Петра I движение, переданное сильным человеком, все еще продолжалось в огромных составах государства преобразованного, — так начинает свой исторический этюд Пушкин. — Ничтожные наследники северного исполина, изумленные блеском его величия, с суеверной точностью подражали ему во всем, что только не требовало нового вдохновения». Так было, подчеркивает поэт, в царствование безграмотной Екатерины I, кровавого злодея Бирона, и сладострастной Елисаветы».

Начиная свой этюд со смерти Петра I, Пушкин лишь несколькими мазками характеризует преобразования Петра I. Мазки эти, однако, крайне выразительны. Поэт подчеркивает, прежде всего, коренной характер преобразований Петра. «Связи древнего порядка вещей были прерваны на веки; воспомина-

ния старины мало по малу исчезали...» Далее отмечается полное равнодушие народа к петровским преобразованиям. «Народ, упорным постоянством удержав бороду и русский кафтан, доволен был своей победою и смотрел уже равнодушно на немецкий образ жизни обритых своих бояр».

Наконец, Пушкин характеризует деспотизм Петра I. «В самом деле, история представляет около его всеобщее рабство... все состояния, окованные без разбора, были равны пред его дубинкою. Все дрожало, все безмолвно повиновалось». Поэт сближает Петра I, как деспота, с Наполеоном. «Петр I не страшился народной свободы, неминуемого следствия просвещения, ибо доверял своему могуществу и презирал человечество может быть более, чем Наполеон».

Подробно останавливается Пушкин на событиях 1730 г., связанных с попыткой верховников ограничить самодержавие. Поэт не сочувствует этому «борению аристократии с деспотизмом». Победа «аристократии» привела бы Россию к «чудовищному феодализму» и затруднила бы ликвидацию крепостного права. «Если бы гордые замыслы Долгоруких и проч. совершились, то владельцы душ, сильные своими правами, всеми силами затруднили бы или даже вовсе уничтожили способы освобождения людей крепостного состояния, ограничили бы число дворян и заградили бы для прочих сословий путь к достижению должностей и почестей государственных. Одно только страшное потрясение могло бы уничтожить в России закоренелое рабство; нынче же политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян, желание лучшего соединяет все состояния противу общего зла...»

Большая часть «Заметок по русской истории XVIII века» посвящена царствованию Екатерины II. «Царствование Екатерины II имело новое и сильное влияние на политическое и нравственное состояние России». Положительно оценивает Пушкин внешнюю политику Екатерины. Иную оценку получает внутренняя политика Екатерины. Заслуживает внимания характеристика самой личности ее. «Если царствовать значит знать слабость души человеческой и ею пользоваться, то в сем отношении Екатерина заслуживает удивление потомства. Ее великолепие ослепляло, приветливость привлекала, щедроты привязывали. Самое сластолюбие сей хитрой женщины утверждало ее владычество».

Ярко подчеркивает поэт лицемерие Екатерины во всей ее внутренней политике. «Екатерина уничтожила звание (справедливее — название) рабства, а раздарила около миллиона государственных крестьян (т. е. свободных хлебопашцев), и закре-

постила вольную Малороссию и польские провинции. Екатерина уничтожила пытку, а тайная канцелярия процветала под ее патриархальным правлением; Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивший первые лучи его, перешел из рук Шешковского в темницу, где и находился до самой ее смерти. Радищев был сослан в Сибирь; Княжнин умер под розгами — и Фонвизин, которого она боялась, не избежал бы той же участи, если б не чрезвычайная его известность».

Особенное возмущение Пушкина вызывает «Наказ» Екатерины. «Фарса наших депутатов, столь непристойно разыгранная, имела в Европе свое действие; «Наказ» ее читали везде и на всех языках. Довольно было, чтобы поставить ее наряду с Титами и Троянами; но перечитывая сей лицемерный «Наказ», нельзя воздержаться от праведного негодования. Простительно было фернейскому философу превозносить добродетели Тартюфа в юбке и в короне; он не знал, он не мог знать истины, но подлость русских писателей для меня непонятна». Предельно ясно характеризует поэт и продажность государственного аппарата. «От канцлера до последнего протоколиста все кралось и все было продажно. Таким образом развратная государыня развратила и свое государство».

Подводя итоги царствованию Екатерины II, поэт обращается к будущим историкам с выразительным наказом. «Но со временем история оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия, — и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России».

Краткий, но эффектный заключительный абзац посвящает поэт Павлу. «Царствование Павла доказывает одно: что и в просвещенные времена могут родиться Калигулы. Русские защитники самовластия в том несогласны и принимают славную шутку г-жи де-Сталь за основание нашей конституции. En Russie le gouvernement est un despotisme mitigé par la strangulation».

«Заметки по русской истории XVIII века» Пушкина — блестящее произведение исторической литературы декабризма. Написанные в 1822 году в Кишиневе, они ярко отображают революционность Пушкина.

Страстная ненависть к деспотизму звучит в «Заметках по русской истории XVIII века». Вместе с тем они проникнуты страстной верой в будущее, в будущую революцию — революцию, которая принесет политическую свободу и освобождение крестьянам. Но революция, о которой думает здесь Пушкин, — революция для народа, но без народных масс. «Страшно далеки они от народа», — писал о дворянских революционерах В. И. Ленин. Немногие строки, посвященные народу в этих «Заметках», подчеркивают его пассивность, инертность. «Народ, упорным постоянством удержав бороду и русский кафтан, доволен был своей победою и смотрел уже равнодушно на немецкий образ жизни обритых своих бояр». «Сластолюбие» Екатерины производило «слабый ропот в народе, привыкшем уважать пороки своих властителей. . .» И это говорится о времени Петра I с его движением Булавина и астраханским восстанием и времени Екатерины II, когда крестьянская война под руководством Пугачева потрясла все здание помещичье-крепостнического государства!

Два года отделяют «Бориса Годунова» от «Заметок по русской истории XVIII века», но за эти два года поэт прошел большой путь.

В кишиневский период Пушкин был сторонником военной революции. В стихотворении, обращенном к члену тайного общества генералу П. С. Пущину, он называет его «грядущий наш Квируга», видя в нем вождя будущей революции наподобие испанской.

После 1823 г., когда испанская революция была раздавлена французской интервенцией, поэт переживает кризис в своих взглядах. Крах тактики военной революции заставляет заново поставить вопрос о народных массах, о массовом движении и его роли в истории. Выдающимся памятником, отразившим новую тему, захватившую Пушкина, явился «Борис Годунов».

«Борис Годунов» всегда вызывал особый интерес исследователей. (И. Н. Жданов, Н. П. Павлов-Сильванский, в наше время — Б. Д. Греков, К. В. Базилевич и др.). Одна переписка Пушкина, посвященная «Борису Годунову», заставляла настаивать и неотразимо привлекала внимание. В письме к Н. Н. Раевскому 30 января 1829 г. поэт писал о своей «Комедии. . .»: «Она наполнена славными шутками и тонкими намеками, относящимися к истории того времени, как наши киевские и каменские обняки. Надо понимать, что это неперемное условие». Политическое значение «Бориса Годунова» подчеркивается и в письмах к Вяземскому в 1825 г. «Я смотрел на

его (Бориса Годунова. — Н. С.) с политической точки, не замечая поэтической его стороны...» (13 сентября 1825 г.) «Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию — на врьд, мой милый. Хоть она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!» (Октябрь 1825 г.).

Уже И. Н. Жданов отметил, что отношения народа к царю составляют главную основу развития драмы. Однако только советскими исследователями открыто то значение, которое вкладывал в эти отношения Пушкин.

Центральная идея «Бориса Годунова» — идея непрочности всякой власти, не опирающейся на общественное, народное мнение. Пушкин вскрывает отчуждение между народом и царской властью, — отчуждение, корни которого уходят в ту эпоху, когда складывалась самодержавная власть.

Царь

Лишь дай сперва смятение народа
Мне усмирить.

Басманов

Что на него смотреть;
Всегда народ к смятению тайно склонен:
Так борзый конь грызет свои бразды;
На власть отца так отрок негодует;
Но что ж? конем спокойно всадник правит,
И отроком отец повелевает.

Царь

Конь иногда сбивает седока,
Сын у отца не вечно в полной воле.
Лишь строгостью мы можем неусыпной
Сдержатъ народ. Так думал Иоани,
Смиритель бурь, разумный самодержец,
Так думал и его свирепый внук.
Нет, милости не чувствует народ:
Твори добро — не скажет он спасибо;
Грабь и казни — тебе не будет хуже.

Народ поддерживает Лжедмитрия в его борьбе против Годунова. В уста своего предка Гаврилы Пушкина поэт вкладывает замечательные слова о силе «народного мнения».

Басманов

Да много ль вас? всего-то восемь тысяч.

Пушкин

Ошибся ты: и тех не наберешь.
Я сам скажу, что войско наше дрянь,
Что казаки лишь только селы грабят,
Что поляки лишь хвастают да пьют,
А русские... Да что и говорить —
Перед тобой не стану я лукавить;
Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?
Не войском, нет, не польскою помощью,
А мнением — да! мнением народным.
Димитрия ты помнишь торжество
И мирные его завоеванья,
Когда везде без выстрела ему
Послушные сдавались города,
А воевод упрямых чернь вязала?

Вскрывает, хотя и очень осторожно («киевские и каменские обиняки»), Пушкин и причины поддержки народом Лжедмитрия.

Шуйский

Всё это, брат, такая кутерьма.
Что голова кругом пойдет неволью.
Сомнения нет, что это самозванец,
Но, признаюсь, опасность не мала.
Весть важная! и если до народа
Она дойдет, то быть грозе великой.

Пушкин

Такой грозе, что вряд царю Борису
Сдержат венец на умной голове.
И поделом ему: он правит нами,
Как царь Иван (не к ночи будь помянут).

Нас каждый день опала ожидает,
Тюрьма, Сибирь, клобук, иль кандалы,
А там — в глуши голодна смерть иль петля.
Знатнейшие меж нами роды — где?
Где Сицкие князья, где Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?

Вот — Юрьев день задумал уничтожить.
Не властны мы в поместьях своих.

Ну, слыхано ль хоть при царе Иване
Такое зло? А легче ли народу?
Спроси его. Попробуй самозванец
Им посулить старинный Юрьев день,
Так и пойдет потеха.

Шуйский

Прав ты, Пушкин.

В этой сцене раскрыта вся трагедия Годунова. Дворянство и боярство озлоблены самовластием Бориса, а народ готов поддержать самозванца, который может «посулить старинный Юрьев день».

С исключительной силой раскрывает поэт авантюризм Лжедмитрия.

Марина

А если я твой дерзостный обман
Заранее пред всеми обнаружу?

Самозванец

Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь?
. . . . . Но знай,
Что ни король, ни папа, ни вельможи
Не думают о правде слов моих.
Дмитрий я, иль нет — что им за дело?
Но я предлог раздоров и войны.
Им это лишь и нужно. . .

Позже в 1831 г. поэт вновь вернулся к роли Польши в самозванчестве Лжедмитрия и особо подчеркнул: «Мнение митрополита Платона о Дмитрие Самозванце, будто бы воспитанном у езуитов, удивительно детское и романтическое. Всякий был годен, чтоб разыграть эту роль: доказательство: после смерти Отрепьева, Тушинский вор и проч.».

Очень выразительна заключительная сцена трагедии.

Мосальский. Народ! Мария Годунова и сын ее Феодор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы.

Народ в ужасе молчит.

Что ж вы молчите? кричите: да здравствует царь Дмитрий Иванович!

Народ безмолвствует.

Царская цензура искромсала творение Пушкина. Пушкин вынужден был под ее давлением изъять часть вышеприведенного монолога Бориса (от «Лишь строгостью мы можем неусыпной» до «Грабь и казни — тебе не будет хуже»), а также и вышеприведенный монолог Гаврилы Пушкина, полностью. По поводу последнего монолога в официальной рецензии было указано: «Решительно должно выкинуть весь монолог. Во-первых, царская власть представлена в ужасном виде; во-вторых, явно говорится, что кто только будет обещать свободу крестьянам, тот взбунтует их».

Тема об отношениях народа и самодержавия повлекла за собой тему и о народных движениях. В том же селе Михайловском Пушкин создает песни о Разине. Вместе с тем он проявляет интерес к Пугачеву. В письме к брату в октябре 1824 г. он просит прислать ему «историческое, сухое известие о Сеньке Разине, единственном поэтическом лице русской истории». Через месяц, в ноябре 1824 г., поэт требует от брата же: «пришли мне. . . жизнь Емельки Пугачева». Поэт записывает две песни о сыне Разина — «В городе-то было во Астрахане» и «Как на утренней заре, вдоль по Каме по реке» и создает три оригинальных песни о Разине, столь близкие к подлинным народным песням, что даже специалисту по народной поэзии нередко трудно бывает здесь ориентироваться — «Как по Волге реке, по широкой», «Ходил Стенька Разин» и «Что не конский топ, не людская молвь».

Попытка Пушкина провести свои разинские песни через цензурные рогатки потерпела полное фиаско. Шеф жандармов Бенкендорф заявил по поводу их: «Песни о Степане Разине при всем поэтическом своем достоинстве по содержанию своему не приличны к напечатанию. Сверх того церковь проклиняет Разина, равно как и Пугачева».

«Борис Годунов» и песни о Разине — начало пути великого поэта, который закончится созданием «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки».

II

Исторические взгляды Пушкина были одной из важнейших составных частей мировоззрения поэта. Это мировоззрение русского гения складывалось в период общественного подъема первой четверти XIX в. Отечественная война 1812 г. сыграла важнейшую роль в жизни Пушкина, пробудив в нем патриотизм, а общественный подъем 20-х гг. в России, связанный с восстанием декабристов, оформил этот патриотизм как революционный патриотизм. В этом же направлении влияли и традиции общественного движения в России, воспринимавшиеся Пушкиным по-радищевски.

Мировоззрение Пушкина было для своего времени передовым, прогрессивным. Пушкин был на передовой линии борцов за будущее, на передовой линии дворянского этапа в революционном движении, являясь поэтическим вождем декабризма и одним из выдающихся его идеологов. А когда декабристы были разгромлены, Пушкин не подпадает под влияние реакции.

Оставаясь верным революционным идеалам («Послание в Сибирь», «Арион»), Пушкин, вместе с тем, пересматривает коренной вопрос об участии народа в революции и начинает движение в сторону нового этапа в революционном движении — разночинного.

Исторические взгляды Пушкина оформлялись в борьбе с господствовавшими в русской исторической науке взглядами в 20-х и 30-х гг. XIX в. Историческая концепция Пушкина отталкивалась от исторической концепции Радищева, преемственно продолжая ее революционные традиции.

Это не значит, что Пушкин в целом отрицательно относился к русской исторической науке 20-х и 30-х годов. Отношение поэта к ней было очень сложно. Прекрасно разбираясь в исторической литературе того времени, Пушкин тонко и остро подмечал ее характерные особенности, вскрывая сильные и слабые стороны в тех или других направлениях и школах.

Показательно отношение Пушкина к «Истории Государства Российского» Карамзина. Для поэта совершенно неприемлема была политическая сторона карамзинской истории. Так же, как Никита Муравьев, поэт встретил в штыки крайний монархизм историка, избрав для борьбы свое любимое оружие — эпиграмму.

В его истории изящность, простота
Доказывают нам без всякого пристрастья
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

В своих записках поэт записал характерный эпизод: «Однажды начал он при мне излагать свои любимые парадоксы. Оспоривая его, я сказал: «Итак вы рабство предпочитаете свободе». Карамзин вспыхнул и назвал меня своим клеветником. Я замолчал, уважая самый гнев прекрасной души. Разговор переменялся. Я встал».

И вместе с тем поэт высоко ценил «Историю Государства Российского» как литературное произведение, указывая, что «наша словесность с гордостью может выставить перед Европою Историю Карамзина»; высоко ценил и как труд, содержащий обширный фактический материал, подвергнутый в примечаниях обстоятельной научной критике. «Карамзин есть первый наш историк, и последний летописец. Свою критикой он принадлежит истории, простодушием и апофегмами хронике. Критика его состоит в ученом сличении преданий, в остроумном изыскании истины, в ясном и верном изображении событий».

Не менее интересно отношение Пушкина и к Каченовскому и Полевому. Общеизвестны эпиграммы Пушкина на Каченовского. Свое отрицательное отношение к Каченовскому, как журналисту, Пушкин распространял и на Каченовского-историка. Научный авторитет Каченовского казался Пушкину раздутым. С глубокой иронией писал он о главе «скептической школы»: «Приятно было бы нам приветствовать первые труды, первые успехи знаменитого редактора Вестника Европы. Его глубокие знания (думали мы), столь известные нам по слуху, дадут плод во время свое (в нынешнем 1829 году)... Он не ограничит своих глубокомысленных исследований замечаниями о заглавном листе Истории Государства Российского, или даже рассуждениями о кунных мордках, но верным взором обнимет наконец творение Карамзина, оценит истину его разысканий, укажет источники новых соображений, дополнит недосказанное».

Пушкин в том же тоне вопрошал читателя: «Если г. Каченовский, не написав ни одной книги, достойной некоторого внимания, не напечатав в течение 26 лет ни одной замечательной статьи, снискал однако ж себе бессмертную славу, то чего же должно нам ожидать от него, когда наконец он примется за дело не на шутку?»

К скептицизму Каченовского Пушкин относился резко отрицательно. Даже Полевому он ставил в упрек то, что последний «утвердительно и без доказательства повторяет некоторые скептические намеки г-на Каченовского». Пушкин вел настоящие бои со «скептиками». Так, в 1832 г. в Московском университете он вел с ними спор, отстаивая подлинность «Слова о полку Игореве». Пушкин восхищался этим шедевром древнерусской литературы и глубоко и долго занимался им. А. И. Тургенев пишет Н. И. Тургеневу 13 декабря 1831 г. о том, что Пушкин «давно занимается» «Словом о полку Игореве» и добавляет: «Он хочет сделать критическое издание сей песни... и показать ошибки в толках Шишкова и других переводчиков и толкователей».

Более сложным было отношение Пушкина к Н. А. Полевому. В двух статьях Пушкин подверг специальному разбору «Историю русского народа» Полевого. Обстрелу его прежде всего подвергся некоторый диллетантизм этой работы. В письме к Калашникову в 1833 г. поэт откровенно писал, что у Полевого, как историка, нет «никакой учености».

В остром литературном шарже «Ветреный мальчик» Пушкин дает меткую, хотя, бесспорно, гиперболическую харак-

теристику Полевого. «Алеша был очень неглупый мальчик, но слишком ветрен и заносчив. Он ничему не хотел порядочно научиться. Когда учитель ему за это выговаривал, то он старался оправдываться разными увертками... Логика казалась ему наукой прошлого века, недостойною наших просвещенных времен, и когда учитель бранил его за вокабулы, Алеша отвечал ему именами Шеллинга, Фихте, Кузеня, Геерена, Нибура, Шлегеля и проч. — Что же? при всем своем уме и способностях Алеша знал только первые 4 правила арифметики и читал довольно бегло по-русски, прослыл невеждою, и все его товарищи смеялись над Алешкою».

В этой характеристике Пушкин осмеивает крайнее подражание Полевого западноевропейским философам и историкам. В статьях об «Истории русского народа» поэт подчеркнул, что у Полевого «желание приноровить систему новейших историков и к России увлекает его». В другом месте Пушкин пишет: «Г-н Полевой очень забавно пародировал Гизота и Тьерри».

Вместе с тем, Пушкин признавал известные достоинства и за историческим трудом Полевого. Он указывал, что работа Полевого заслуживает внимания «по многим остроумным замечаниям», «по взгляду и по воззрению недалекому и часто неверному, но вообще новому и достойному критических исследований». Общее заключение Пушкина о труде Полевого — «Г. Полевой предчувствует присутствие истины, но не умеет ее отыскать и вьется около».

Таково отношение Пушкина к трем наиболее крупным представителям русской исторической науки 20-х и 30-х гг. XIX в. В целом это отношение было критическим и отрицательным. Поэт шел своими путями в выработке взглядов на историческое прошлое России.

Наиболее благоприятным было суждение Пушкина о Карамзине. Поэт, отвергая и критикуя политические установки Карамзина, ценил в этом историке большие фактические знания и беспримерное трудолюбие и преданность науке. «Почти никто не сказал спасибо человеку, уединившемуся в ученый кабинет, во время самых лестных успехов, и посвятившему целых 12 лет жизни безмолвным и неутомимым трудам. Примечания к Русской истории свидетельствуют обширную ученость Карамзина».

Любопытен отзыв Пушкина об указателе — «Ключе к Истории Государства Российского», изданном Строевым. В нем Пушкин противопоставляет Карамзина «историкам с высшими взглядами», в которых, очевидно, надо видеть скептика Каче-

новского и поклонника Гизо и Тьерри Полевого. «Издав сии два тома, г. Строев оказал более пользы русской истории, нежели все наши историки с высшими взглядами, вместе взятые. Те из них, которые не суть еще закоренелые верхогляды, принуждены будут в том сознаться. Г. Строев облегчил до невероятной степени изучение русской истории»...

Напомним, что в своей «Истории села Горюхина» Пушкин пародирует и Полевого с его диллетантским увлечением Нибуром, Гизо и Тьерри и Каченовского с его односторонним историческим скептицизмом.

Пушкин прекрасно знал и русских историков XVIII века — Татищева, Болтина, Голикова и др.

Блестяще разбирался Пушкин и в античной и западноевропейской историографии. Он пишет «Замечания на «Анналы» Тацита», характеризуюя его, как «бич тиранов». Пушкин знает Вольтера, Робертсона, Шлецера, Нибура, Тьерри, Гизо, Баранта и др.

О французской историографии Пушкин писал: «Французы ничуть не ниже англичан в истории. — Если первенство чегонибудь да стоит, то вспомните, что Вольтер первый пошел по новой дороге — и внес светильник философии в темные архивы истории», и в другом месте — французский народ «Нибуру и Галламу противопоставил Баранта, обоих Тьерри и Гизо». Высоко ценил Пушкин Гизо, подчеркивая «великое достоинство французского историка».

Признавая заслугу западноевропейской историографии, Пушкин далек был, однако, от подражания ей. Он не считал себя учеником ни Нибура, ни Гизо и писал по адресу Полевого: «Поймите же и то, что Россия никогда ничего не имела общего с остальною Европою; что история ее требует другой мысли, другой формулы, чем мысли и формулы, выведенные Гизотом из истории христианского Запада».

На основе глубокого изучения и русской и западноевропейской историографии, на основе внимательного изучения источников, Пушкин выработал свое понимание задач исторической науки и свое понимание основных проблем и западноевропейской и русской истории.

Очень важной для уяснения взглядов Пушкина на задачи исторической науки является его рецензия на собрание сочинений Георгия Кониского, написанная им в 1836—37 гг. Пушкин разбирает в ней «Историю Малороссии», труд, приписывавшийся Конискому, но не вошедший в собрание сочинений и известный ему по рукописи. Приведем соответствующий абзац, ввиду его важности, полностью.

«Но главное произведение Кониского остается до сих пор неизданным. История Малороссии известна только в рукописи. Георгий написал ее с целью государственною. Когда императрица Екатерина учредила Комиссию о составлении нового уложения, тогда, депутат малороссийского шляхетства, А. Г. Полетика обратился к Георгию, как к человеку, сведущему в старинных правах и постановлениях сего края. Кониский, справедливо полагая, что одна только история народа может объяснить истинные требования оногo, принялся за свой важный труд и совершил его с удивительным успехом. Он сочетал поэтическую свежесть летописи с критикой, необходимой в истории. Не говорю здесь о некоторых этнографических и этимологических объяснениях, помещенных им в начале его книги, которые перенес он в историю из хроники, не видя в них никакой существенной важности и не находя нужным противоречить общепринятым в то время понятиям. Под словом критики я разумею глубокое изучение достоверных событий и ясное, остроумное изложение их истинных причин и последствий».

В этом разборе труда Кониского особенно важны две мысли Пушкина. Во-первых Пушкин подчеркивает политическое, государственное, как он пишет, значение исторической науки. Настоящее связано с прошлым — «одна только история народа может объяснить истинные требования оногo». Во-вторых, Пушкин определяет задачи исторической науки как раскрытие причинности исторических явлений.

В понимании характера причинности исторических явлений Пушкин прошел через два этапа. Горячий поклонник рационалистического XVIII века, Пушкин в 20-х гг. видел в разуме, в просвещении основную пружину исторического процесса.

Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

писал рационалист Пушкин.

Самую народную свободу — свой политический идеал — поэт рассматривал в 20-х гг. как следствие просвещения. «Петр I не страшился народной свободы, неминуемого следствия просвещения. . .» — писал он в «Заметках по русской истории XVIII века».

Примечательны и следующие его заметки 1821 г.: «Не может быть, чтобы людям со временем не стала ясна смешная жестокость войны, так же, как им стало ясно рабство, королевская

власть и т. п. Они убедятся, что наше предназначение — есть, пить и быть свободными».

В произведениях 30-х гг. Пушкин уже подходит к пониманию классовой борьбы в русской истории. В своих «Заметках к «Истории Пугачева» поэт писал: «Весь черный народ был за Пугачева; духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты и архиереи. Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства. Пугачев и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противоположны».

Изучение событий начала XVII века, восстаний Разина и Пугачева, привело Пушкина к пониманию значения народных движений. Разгром декабризма, — разгром революции просвещенного дворянства, поставил перед Пушкиным проблему народной борьбы, проблему роли народа в историческом процессе. Ответ на этот вопрос Пушкин дал уже в «Борисе Годунове». Ответом на этот вопрос были и его произведения 30-х гг. — «Дубровский», «История села Горюхина», «Капитанская дочка», «История Пугачева» и другие.

Изучая вопрос о роли народа в русской истории и тем самым пересматривая вопрос о роли народа в грядущей революции, Пушкин читал также у Радищева: «Бурлак, идущей в кабак повеся голову и возвращающейся обгаренной кровью от оплеух, многое может решить доселе гадательное в Истории Российской».

Русская история как история отечества вызывала у Пушкина особую любовь и особую гордость. Поэт бичевал тех людей, которые были равнодушны к прошлому своего народа. «Дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим. И у нас иной потомок Рюрика более дорожит звездой двоюродного дядюшки, чем историей своего дома, т. е. историей отечества», — писал он в 1830 г. Так писал Пушкин по адресу знати. Пушкин гордился историей своего отечества, гордился ее героическими страницами. «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие».

Особые возмущение и гнев вызывали у Пушкина извращения русской истории у иностранных ученых, а также у иностранцев, служивших в России. «Простительно выходцу не любить ни русских, ни России, ни истории ее, ни славы ее. Но не похвально ему за русскую ласку марать грязью священные страницы наших летописей, поносить лучших сограждан и, не довольствуясь современниками, издеваться над гробами праотцев».

К этому Пушкин добавил: «Но не простительно было бы нам позволять всякому (выходцу клеветать)».

Русская история может быть и должна быть разработана только русскими учеными. «Какое поле — эта новейшая Русская История! И как подумаешь, что оно вовсе еще не обработано, и что кроме нас, Русских, никто того не может и предпринять», — писал Пушкин М. А. Корфу 17 октября 1836 г.

От историков Пушкин требовал, прежде всего, добросовестности и знания источников. Читатель, — писал он, — «в праве требовать от историка, если не таланта, то добросовестности в трудах и осмотрительности в показаниях».

Интересны отзывы Пушкина о различного типа источниках, с которыми ему приходилось иметь дело. В этих отзывах поэт метко схватывает основное значение того или иного источника. Характеризуя летописи, как «драгоценные памятники времен давно минувших», Пушкин тут же отмечает: «озлобленная летопись князя Курбского отличается от прочих летописей, как бурная жизнь Иоаннова изгнанника отличалась от смиренной жизни безмятежных иноков». Издавая записки бригадира Моро-де-Бразе о Прутском походе 1711 года, Пушкин рекомендует их читателю, «как важный исторический документ, который не должно смешивать с нелепыми повествованиями иностранцев о нашем отечестве».

Примечателен отзыв Пушкина о «Записках Джона Теннера» о жизни его среди североамериканских индейцев. «В Нью-Йорке недавно изданы «Записки Джона Теннера», прошедшего тридцать лет в пустынях Северной Америки, между дикими ее обитателями. Эти «Записки» драгоценны во всех отношениях. Они самый полный, и вероятно последний, документ бытия народа, коего скоро не останется и следов. Летописи племен безграмотных, они разливают истинный свет на то, что некоторые философы называют естественным состоянием человека». К этому поэт добавляет с глубокой иронией: «показания простодушные и бесстрастные, они наконец будут свидетельствовать перед светом о средствах, которые Американские Штаты употребляли в XIX столетии к распространению своего владычества и христианской цивилизации».

Поэт резко критикует историков за неумелое и недобросовестное пользование источниками. Показательна в этом отношении его критика «Истории Донского войска» Броневского. Поэт доказывает неумение автора использовать предания, как исторический источник. «Что касается до преданий, то если оные, с одной стороны, драгоценны и незаменимы, то с другой, я по опыту знаю, сколь много требуют они строгой поверки

и осмотрительности. Г. Броневский не умел ими пользоваться. Предания, собранные им, не дают его рассказу печати живой современности, а показания, на них основанные, сбивчивы, темны, а иногда и совершенно ложны».

Пушкин живо откликался на различные издания источников по русской истории и сам принимал в этом участие. В дневнике 17 марта 1834 г. он записывает: «Устрялов сказывал мне, что издает процесс Никонов. Важная вещь!» Поэт интересуется материалами по истории донских казаков, собранными декабристом В. Д. Сухоруковым, и пишет о них специальную докладную записку правительству. Поэт издает записки Моро-де-Бразе, посвященные Прутскому походу 1711 г., и записки Дуровой о войне 1812 г.

Великий реалист-художник Пушкин требовал от писателей правдивого, реального изображения исторического прошлого. «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию — которая более и менее отражается в зеркале поэзии. — Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, и поверий, и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу».

Поэт был ярким врагом схематизма и модернизации в изображении исторического прошлого. Глубокое недовольство вызвала у него современная ему французская драма. Пушкин говорил, что французы пишут трагедии «дабы шестистопными стихами заставить Цицеллу, Тиберия, Леонида высказать его мнение о Виллеле или о Каннинге. От сего затейливого способа на нынешней французской сцене слышно много красноречивых журнальных выходов, но трагедии истинной не существует».

Пушкин был недоволен также и многочисленными западноевропейскими историческими романами. «В век, в который хотят они перенести читателя, перебираются они сами с тяжелым запасом домашних привычек, предрассудков и дневных впечатлений. . . Сколько несообразностей, ненужных мелочей, важных упущений! сколько изысканности! а сверх всего, как мало жизни! Однако ж сии бледные произведения читаются в Европе».

Исключительно интересны отзывы Пушкина о литературных произведениях Рылеева, Загоскина, Лажечникова и Погодина, посвященных историческому прошлому.

Политический соратник Рылеева по участию в декабристском движении, Пушкин критиковал многие его произведения за антиисторизм. Пушкин откровенно писал самому Рылееву о его «Думах». «Что сказать тебе о думах? во всех встречаются стихи живые, окончательные строфы Петра в Острогжске чрезвычайно оригинальны. Но вообще все они слабы изображением

и изложением. Все они на один покрой. Составлены из общих мест (Locī topici), описание места действия, речь Героя и — нравоучение. Национального, русского нет в них ничего кроме имен (исключая Ив. Сусанина, первую думу, по коей начал я подозревать в тебе истинный талант).

Ты напрасно не поправил в Олеге Герба России. Древний герб, С. Георгий, не мог находиться на щите язычника Олега; новейший, двуглавый орел, есть Герб Византийский и принят у нас во время Иоанна III, не прежде. Летописец просто говорит: Тоже повеси щит свой на вратах на показание победы». Здесь все замечательно, вплоть до детали с щитом Олега. Пушкин подчеркнул анахронизм Рылеева, документально обосновав свою точку зрения.

Характерно также расхождение Пушкина с Рылеевым в изображении образа Мазепы. В поэме «Войнаровский» Рылеев изобразил Мазепу как пламенного патриота Украины, борца за свободу против самовластия Петра. В поэме Мазепа обращается к Войнаровскому:

Но чувств твоих я не унижу.
Сказав, что родину мою
Я более, чем ты, люблю...

Но я решился; пусть судьба
Грозит стране родной злосчастьем;
Уж близок час, близка борьба,
Борьба свободы с самовластьем!

Пушкин ответил на это насквозь неверное изображение Мазепы «Полтавой», в предисловии к которой писал: «Мазепа есть одно из самых замечательных лиц той эпохи. Некоторые писатели хотели сделать из него героя свободы, нового Богдана Хмельницкого. История представляет его честолюбцем, закоренелым в коварствах и злодеяниях, клеветником Самойловича, своего благодетеля, губителем отца несчастной своей любовницы, изменником Петра перед его победою, предателем Карла после его поражения: память его, преданная церковию анафеме, не может избегнуть и проклятия человечества».

«Юрий Милославский» Загоскина получил высокую оценку Пушкина. «Г. Загоскин точно переносит нас в 1612 год. Добрый наш народ, бояре, казаки, монахи, буйные шиши — все это угадано, все это действует, чувствует, как должно было действовать в смутные времена Минина и Авраамия Палицына. Как живы, как занимательны сцены старинной русской жизни!» Однако и здесь Пушкин заметил несколько анахронизмов и «некоторые погрешности противу языка и костюма».

В романах Лажечникова поэт усматривает значительные погрешности против истории и пишет ему 3 ноября 1835 г. «Может быть, в художественном отношении, Ледяной дом и выше Последнего Новика, но истина историческая в нем не соблюдена, и это современем, когда дело Волынского будет обнародовано, конечно, повредит вашему созданию».

Наиболее полно свои требования к художественному произведению, имеющему сюжет из исторического прошлого, Пушкин выразил в разборе драмы Погодина «Марфа Посадница». В нем поэт точно и детально формулирует свои эстетические требования

«Автор Марфы Посадницы имел целью развитие важного исторического происшествия: падения Новагорода, решившего вопрос о единодержавии России. Два великих лица представлены ему были историею. Первое — Иоанн, уже начертанный Карамзиным, во всем его грозном и хладном величии, второе — Новгород, коего черты надлежало угадать.

Драматический поэт — беспристрастный, как судьба — должен был изобразить столь же искренно отпор погибающей вольности, как глубоко обдуманый удар, утвердивший Россию на ее огромном основании. Он не должен был хитрить и клониться на одну сторону, жертвуя другою. Не он, не его политический образ мнений, не его тайное или явное пристрастие должно было говорить в трагедии, но люди минувших дней, умы, их предрассудки. Не его дело оправдывать, обвинять и подсказывать речи. Его дело воскресить минувший век во всей его истине».

Историзм Пушкина не был, однако, равнодушным, бесстрастным объективизмом. Пушкин был против искажения исторического прошлого, он ратовал за воссоздание минувшего «во всей его истине», но в этом минувшем у Пушкина были и любимые эпохи и любимые герои. Ведь никто как Пушкин видел в Разине «единственное поэтическое лицо русской истории».

Великий поэт был исключительно требовательным и к другим и к себе в вопросах изучения и изображения исторического прошлого. Работа самого Пушкина могла служить в этом отношении образцом.

Отображая ту или другую историческую эпоху в художественном произведении, Пушкин тщательно изучал документальные источники, относящиеся к ней, самостоятельно производил архивные разыскания, изучал мемуары современников и исторические исследования. Параллельно с «Капитанской дочкой» Пушкин создает «Историю Пугачёва», наряду с «Арапом Петра Великого» и «Медным всадником», он готовит «Историю

Петра». Не довольствуясь письменными источниками, Пушкин совершает поездки на места, собирает исторические предания.

На несправедливую критику Броневского по поводу «Истории Пугачева» Пушкин мог с гордостью ответить, как добросовестный историк.

«Я прочел со вниманием всё, что было напечатано о Пугачеве, и сверх того 18 толстых томов in-folio разных рукописей, указов, донесений, и проч. Я посетил места, где произошли главные события эпохи, мною описанной, поверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев и вновь поверяя их дряхлеющую память исторической критикою».

Исключительное внимание великий национальный поэт уделял историческому образованию. Пушкин бичевал равнодушие к историческому прошлому своего народа. Он требовал расширения исторического образования в высших учебных заведениях. «Россия слишком мало известна русским; сверх ее истории, ее статистика, ее законодательство требует особенных кафедр».

Требование это выставлено Пушкиным в записке, адресованной Николаю I, — «О народном воспитании». «Изучение России должно будет преимущественно занять в окончательные годы умы молодых дворян, готовящихся служить отечеству верою и правдою», — подчеркивает Пушкин.

Интересно отметить, что в этой записке официального назначения Пушкин пытался провести свои республиканские убеждения. Пушкин развешивает стройную и законченную картину исторического образования в гимназиях, лицеях и пансионах. В первые годы учащиеся слушают строго фактический курс истории, без каких-либо обобщений и выводов или, как пишет Пушкин, «голый хронологический рассказ происшествий, безо всяких нравственных или политических рассуждений». На этой основе строится «окончательный курс» истории, коренным образом отличающийся от первоначального. Задачей этого курса является формирование мировоззрения учащихся. «Можно будет с хладнокровием показать разницу духа народов, источника нужд и требований государственных; не хитрить; не искажать республиканских рассуждений, не позорить убийства Кесаря, превознесенного 2.000 лет, но представить Брута защитником и мстителем коренных постановлений отечества, а Кесаря честолюбивым возмутителем».

Вуалируя столь оригинальную для николаевской России систему исторического образования, Пушкин доказывает необходимость ознакомления учащихся с республиканскими идеями тем, что «не должно, чтоб республиканские идеи изумили вос-

питанников при вступлении в свет и имели для них прелесть новизны».

Такая система образования не должна была, однако, ограничиться лишь историей античного мира. Пушкин подчеркивает значение «особенно новейшей» истории.

Последнее по времени перед смертью поэта письмо было посвящено вопросам преподавания истории. Пушкин писал 27 января 1837 г. В. О. Ишимовой, составительнице детского учебника по истории: «Сегодня я нечаянно открыл Вашу Историю в рассказах, и поневоле зачитался. Вот как надобно писать!»

III

Характеризуя мрачную, удушливую полосу реакции после 14 декабря 1825 г. и тяжелое настроение и разброд среди интеллигенции того времени, Герцен писал:

«Невозможны были никакие иллюзии: народ остался равнодушным зрителем 14 декабря. Всякий добросовестно мыслящий видел ужасные последствия полного разрыва народной России с Россией объевропеизированной. Между двумя лагерями порвалась всякая связь, — необходимо было ее восстановить, но как, каким образом? В этом был великий вопрос. Одни думали, что ни к чему не придешь, если оставить Россию на буксире Европы; они полагали свои надежды не на будущее, а на возврат к прошедшему. Другие видели в будущем только несчастье и разорение. Они проклинали убудочную цивилизацию и апатичный народ. Душой всех мыслящих людей овладела глубокая грусть.

Одна лишь звонкая и широкая песнь Пушкина звучала в долинах рабства и мучений; эта песнь продолжала эпоху прошлую, наполняла мужественными звуками настоящее и посылала свой голос отдаленному будущему. Поэзия Пушкина была залогом будущего и утешением».

Творчество Пушкина и после 14 декабря оставалось столь же жизнерадостным и оптимистичным, как и до разгрома декабризма. Оставалось оптимистичным и историческое мировоззрение поэта. Вера в великое будущее русского народа попрежнему не покидала его.

Вместе с тем оценка исторического прошлого России в произведениях Пушкина 1826—1837 гг. становится более углубленной, освещающей круг таких вопросов, которые, ранее, мало или совсем не освещались поэтом. Одной из центральных тем

Пушкина становится тема народного движения. Он много и пристально изучает вопрос о феодализме в России, внимательно занимается петровской эпохой.

Обогащенная опытом 14 декабря 1825 г. историческая концепция Пушкина выступает более разносторонней, но столь же оптимистичной, как и в годы подъема декабристского движения. Пушкин резко осудил огульное осуждение Чаадаевым исторического прошлого России. Чаадаев, отражая ту «глубокую грусть», овладевшую интеллигенцией после 14 декабря, о которой писал Герцен, выдвинул в «Философическом письме», напечатанном в «Телескопе» в 1836 г., безнадежную и насквозь пессимистическую оценку прошлого и будущего России.

В черновике письма к Чаадаеву Пушкин писал: «Что касается нашего исторического ничтожества, я положительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже войны удельного периода ведь это та же жизнь кипучей отваги и бесцельной и недозрелой деятельности, которая характеризует молодость всех народов. Вторжение татар есть печальное и великое зрелище. Пробуждение России, рост ее могущества, движение к единству (единству русскому, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и окончившаяся в Ипатьевском монастыре. Разве это не история, а только бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая всемирная история? А Екатерина II, которая включила Россию в систему Европы? А Александр, который ввел вас в Париж? (Положа руку на сердце) не находите ли вы чего-то величественного в нынешнем положении России, чего-то такого, что должно поразить будущего историка. Думаете ли вы, что он поставит нас вне Европы?»

...Я вас уверяю честью, что ни за что на свете я не захотел бы ни переменить своего отечества, ни иметь другой истории, как историю наших предков».

В годы после 14 декабря у Пушкина усиливается интерес к Радищеву. Он пишет две статьи, посвященные ему — «Александр Радищев» и «Путешествие из Москвы в Петербург» и пробует в приложениях напечатать отрывки из «Путешествия из Петербурга в Москву».

С Радищевым Пушкина соединяла, прежде всего, глубокая вера в будущее русского народа. В героической поэме «Песни, петье на состязаниях в честь древним славянским божествам» Радищев писал:

О народ, народ преславной!
Твои поздние потомки
Превзойдут тебя во славе

Своим мужеством изящным,
Мужеством богоподобным,
Удивленье всей вселенной,
Все преграды, все оплоты
Сокрушат рукою сильной,
Победят природу даже...

Пушкин во многом продолжил и развил исторические взгляды Радищева.

Революционная, анти-крепостническая историческая концепция Радищева имела важнейшее значение в развитии исторических взглядов поэта. К Пушкину преемственно переходят следующие ее характерные черты: революционный оптимизм, любовь к героическим мотивам в русской истории, патриотизм, интерес к народным героям и представителям народа (Ломоносов), разоблачение лжи официальной исторической науки и т. д. В трактовке отдельных эпох и вопросов русской истории у Радищева также зачастую мы находим зерно, которое у Пушкина позже дает богатые всходы. Так уже у Радищева мы имеем зачатки двуплановой оценки петровской эпохи.

Конечно, историческая концепция Пушкина не была повторением взглядов Радищева. Исторические взгляды Радищева — первый этап дворянской революционной исторической мысли. Исторические взгляды декабристов и Пушкина 20-х гг. (до 1826 г.) — второй этап дворянской революционной исторической мысли, развивающий дальше идеи первого этапа и имеющий свои характерные особенности.

Исторические воззрения Пушкина после 14 декабря, сохраняя преемственность с взглядами Радищева и декабристов, развиваются значительно дальше убеждений этих деятелей дворянского этапа революционного движения. Крах тактики военного заговора заставляет Пушкина заново пересмотреть вопрос и о роли самодержавия и о роли народных движений.

Если рассмотреть все богатство идей Пушкина 1826—1837 гг. по отдельным вопросам русской истории, то надо подчеркнуть, что в первую очередь Пушкина занимали три важнейшие проблемы: 1) проблема феодализма в России, 2) место и значение в истории России петровской эпохи и 3) проблема народных (крестьянских) движений.

Вопроса феодализма в России Пушкин касался и в 20-х гг., в своих «Заметках по русской истории XVIII века». В 30-х гг. Пушкин, однако, по иному подходит к этому вопросу.

В «Заметках», говоря о неудаче попыток ограничить самодержавие после Петра I со стороны «аристократии», Пушкин подчеркивает, что «это спасло нас от чудовищного феода-

лизма». С точки зрения вопроса об уничтожении крепостного права в России самодержавие представлялось Пушкину меньшим, так сказать, злом, нежели система раздробленного феодализма. При торжестве последнего феодалы, «сильные своими правами», крайне затруднили или даже вовсе уничтожили бы возможность ликвидации крепостного права. «Нынче же, — замечает Пушкин, — политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян. . .»

В 30-х же годах, в своих замечаниях на «Историю русского народа» Полевого, поэт писал: «Феодализма у нас не было, и тем хуже».

Чтобы понять, что Пушкин хотел сказать этим «тем хуже», нужно вспомнить, что Пушкин, так же, как и ряд других русских историков 30-х гг., рассматривал французскую революцию 1789 г. как конечный результат развития феодальных отношений во Франции.

Пушкин внимательно изучал историю Франции и, видимо, собирался писать статью о революции 1789 г. Одна из его заметок начинается следующим образом: «Прежде нежели приступим к описанию переворота, ниспровергшего во Франции все до него существовавшие постановления, должно сказать каковы были сии постановления». И дальше Пушкин характеризует феодализм во Франции. В вопросе о генезисе феодализма он придерживается точки зрения большинства историков первой трети XIX в.: «Феодальное правление было основано на праве завоевания».

Для характеристики феодализма во Франции Пушкин использует труды историков XVIII—XIX вв.

«Феодальное правление было основано на праве завоевания. Победители присвоили себе землю и собственность побежденных, обратили их самих в рабство и разделили всё между собою. Предводители получили большие участки — слабые прибегнули к покровительству сильнейших.

Каждый владетель управлял в своем участке по-своему, устанавливал свои законы, соблюдая свои выгоды, и старался окружить себя достаточным числом приверженцев для удержания в повиновении своих вассалов или для отражения хищных соседей. Для сего избирались большая частью вольные люди, составлявшие некогда войско завоевателей. Со временем они смешались с побежденными; установились взаимные обязательства между владельцами и вассалами и стихия независимости сохранилась в народе.

Короли, избираемые вначале владельцами, были самовластны токмо в собственном своем участке; в случае войны

с неприятелем, новых налогов или споров между двумя могущими соседями, они созывали сеймы».

С этих позиций Пушкин и критикует Полевого и его «Историю русского народа». «Норманский феодализм» и «семейственный феодализм», как периоды в истории России, вызывают возражения Пушкина. «Желание приноровить систему новейших историков и к России увлекает его», — пишет Пушкин о Полевом. «Семейственный феодализм есть бессмыслица», — делает он заметку на полях книги.

В набросках третьей статьи о книге Полевого Пушкин подробно аргументирует свое отрицание феодальных отношений в России.

«Феодализма в России не было. Одна фамилия... властвовала независимо, добиваясь великого княжества... Бояре жили в городах при дворе княжеском, не укрепляя своих поместий, — не сосредоточиваясь в малом семействе, — не враждуя противу королей, — не продавая своей помощи городам... Феодализма у нас не было, и тем хуже».

Уже Г. В. Плеханов раскрыл, как надо понимать это «тем хуже». Пушкин сожалел об отсутствии феодальных отношений в России, как отношений, которые приводят, на основе развертывания борьбы, к революционному взрыву.

«Общество созрело для великого разрушения. Всё еще спокойно, но уже голос молодого Мирабо, подобно отдаленной буре, глухо гремит из глубины темниц, по которым он скитается», — пишет Пушкин, характеризуя Францию накануне революции.

В истории России Пушкин не видел феодальных отношений, хотя не следует думать и того, что Пушкин представлял себе историю России как патриархальную идиллию, наподобие позднейших славянофилов. В «Капитанской дочке», «Истории Пугачева», «Дубровском» и других своих произведениях Пушкин ярко отразил классовую борьбу крестьян против помещиков.

Отрицая наличие феодальных отношений в истории России с позиций, общепризнанных в историографии начала XIX в., Пушкин, вместе с тем, преодолевал эти идейные позиции и подходил к иному пониманию генезиса феодализма.

В работе Б. Д. Грекова об исторических взглядах Пушкина доказано, что Пушкин намечал и иное разрешение вопроса. В истории России в XIII — XVI вв. Пушкин склонен был видеть период, когда созревали и оформлялись феодальные отношения, не получившие, однако, полного развития. «Феодализм мог бы, наконец, родиться, как первый шаг учреждений независимости (общины второй), но он не успел. Он развился во время та-

тар, был подавлен Иоанном III, гоним, истребляем Иоанном IV, стал развиваться во время междоусобия, постепенно упраздняя искусство Романовых и наконец разом уничтожен Петром и Анною Ивановною, указом 1731 года уничтожившей указ Петра».

В такой постановке вопроса проблема генезиса феодализма из завоевания и взаимоотношения победителей и побежденных снималась. Разрешение вопроса переносилось во внутреннюю историю народа.

В других своих заметках Пушкин указывает, что Киевская Русь времени Владимира еще не была феодальной. Сыновья Владимира, сидевшие «в своих уделах», являлись лишь «представителями государя». Им было поручено подавлять возмущения и отражать нападения врагов. «Это, как мы видим, — подчеркивает Пушкин, — вовсе не была феодальная система, основанная на независимости отдельных лиц и на равном праве их участия в добыче».

После Владимира положение коренным образом меняется. Удельные князья становятся независимыми. «Удельные князья, наместники при Владимире, независимы потом, Святополк II учреждает княжеские съезды, прекратившиеся при татарах. Митрополит Алексей учреждает третейский суд». Боярство приобретает силу и становится наравне с удельными князьями. Эту силу и власть боярство сохраняет до XVI в. «Какое время силы нашего боярства? Во время уделов, удельные князья соделавшись сами боярами. Когда пало боярство? При Иоаннах, которые к одному местничеству не дерзнули прикоснуться».

Пушкин не раскрывает того, какие причины вызвали независимость удельных князей и что вызвало усиление власти боярства, т. е. не раскрывает причин феодализации древней Руси. И, тем не менее, постановка Пушкиным вопроса о феодализме далеко превосходила все то, что было написано по этому вопросу в России в 30-х гг. XIX в. «Норманский» и «семейственный феодализм» Полевого являлись подражанием Гизо и Тьерри. Проблема генезиса феодализма в постановке и Полевого и других в это время не выходила из заколдованного круга, связанного с завоеванием одного народа другим. Пушкин впервые поставил этот вопрос в совершенно иной плоскости.

Выразительными мазками обрисовывает Пушкин татарское иго на Русь. Во время татарского ига «внутренняя жизнь порабожденного народа не развивалась. Татары не походили на мавров. Они, завоевав Россию, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля...» Борьба Руси с татарами имела всемирно-историческое значение. Русь спасла европейскую цивилизацию. «России

определено было высокое предназначение: ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработенную Русь и возвратились на степи своего Востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией. . .»

В очерке о русской литературе Пушкин характеризует в сжатой форме историю России до Петра, как историю, содержание которой составляют «споры великокняжества с уделами, единовластия с вольностями городов, самодержавия с боярством и завоевания с народной самобытностью». Среди этих «бурь и переломов» особое внимание Пушкина привлекало время Ивана III и Ивана IV. Это — эпоха «погибающей вольности» (падение Новгорода и Пскова) и «укрощенной мятежности удельных князей».

XV — XVI века интересовали Пушкина не только как историка, но и как художника. Опричнину он отобразил в незаконченном поэтическом произведении «Какая ночь! Мороз трескучий! . . .» С удивительной художественной объективностью Пушкин изобразил в нем и спящую Москву XVI века, и площадь казней, и царского опричника, с презрением и без жалости глядящего на трупы изменников:

. . .Куда, мой конь лихой?
Чего боишься? Что с тобой?
Не мы ли здесь вчера скакали,
Не мы ли яростно топтали,
Усердной местию горя,
Лихих изменников царя?

Петровская тема — образ Петра I и его время — занимают в творчестве Пушкина 1826—1837 гг. огромное место. В 1826 г. поэт пишет «Стансы»; в 1827—28 гг. он работает над «Арапом Петра Великого»; в 1828 г. выходит «Полтава»; в 1833 г. создается «Медный Всадник»; в 1836 г. «Пир Петра Первого». Начиная с 1831 г. поэт начинает работать и над историей Петра I. В этом году он получает допуск к архивным материалам по истории Петра, хотя вплотную начинает заниматься историческими изысканиями значительно позже. В апреле 1834 г. Пушкин пишет Погодину: «К Петру приступаю со страхом и трепетом». Итогом работы поэта над историей Петра явились тридцать две тетради записей.

Уже в XVIII веке петровская тема стала одной из центральных в русской литературе. О Петре пишут и Кантемир, и Ломоносов, и Державин, и Радищев. Создаются многочисленные «Петриады».

Некоторыми своими чертами образ Петра у Пушкина сближается с образом, данным Ломоносовым. У Ломоносова Петр — «строитель, плаватель, в полях, в морях герой». У Пушкина —

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Пушкин в своем художественном творчестве отразил все важнейшие стороны и явления петровской эпохи — Северную войну и Полтавский бой, как ее центральный, переломный момент, строительство Петербурга, европеизацию и ломку нравов и т. д.

Волнениями и смутами начинается петровская эпоха в изображении Пушкина.

Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Пушкин набрасывал планы повести о стрельце и боярской дочери. В повести должен был быть отражен стрелецкий заговор и «бунт». В набросках фигурируют Софья, стрелецкий полковник, стрельцы, раскольники.

Начинается Великая Северная война.

Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.
Суровый был в науке славы
Ей дан учитель: не один
Урок неожиданный и кровавый
Задал ей шведский паладин.
Но в искушеньях долгой кары
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат
Дробя стекло, кует булат.

Пушкин рисует создание Петербурга в «Арапе Петра Великого» и «Медном Всаднике».

«Ибрагим с любопытством смотрел на новорожденную столицу, которая подымалась из болота по манию самодержавия. Обнаженные плотины, каналы без набережной, деревянные мосты повсюду являли недавнюю победу человеческой воли над сопротивлением стихий. Дома казались наскоро построены. Во всем городе не было ничего великолепного, кроме Невы, не украшенной еще гранитною рамою, но уже покрытой военными и торговыми судами».

Не менее колоритен образ Петра за работой в том же «Арапе Петра Великого».

«Посмотрим, — сказал он Ибрагиму, — не позабыл ли ты своей старой должности. Возьми-ка аспидную доску, да ступай за мною». Петр заперся в токарне и занялся государственными делами. Он по очереди работал с Брюсом, с князем Долгоруким, с генерал-полицмейстером Девиером и продиктовал Ибрагиму несколько указов и решений. Ибрагим не мог надивиться быстрому и твердому его разуму, силе и гибкости внимания и разнообразию деятельности. По окончании трудов, Петр вынул карманную книжку, дабы справиться, всё ли им предполагаемое на сей день исполнено».

С поразительной точностью рисует Пушкин в том же «Арапе Петра Великого» картину ассамблеи. Недаром Беллинский восторгался этим незаконченным романом, указывая, что «эти семь глав неоконченного романа, из которых одна упредила все исторические романы гг. Загоскина и Лажечникова, неизмеримо выше и лучше всякого исторического русского романа, порознь взятого, и всех их, вместе взятых».

В «Арапе Петра Великого», так же, как и в других произведениях Пушкина, посвященных петровской теме, Петр выступает как государственный преобразователь, создатель новой России.

«. . . Наконец явился Петр. Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, — при стуке топора и при громе пушек. Но войны, предпринятые Петром Великим, были благодетельны и плодотворны. Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы, и европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы. Петр не успел довершить многое, начатое им. Он умер в пору мужества, во всей силе творческой своей деятельности».

В литературе высказана была точка зрения о том, что образ Петра у Пушкина «в результате его исторических размышлений всё снижался» (П. Попов).

Вряд ли можно принять эту точку зрения. Следует говорить не о снижении образа Петра, а о его двуплановости и эта двуплановость в творчестве Пушкина идет с 1822 г.

Уже в «Заметках по русской истории XVIII в.» Петр-преобразователь выступает и Петром-деспотом. «В самом деле, история представляет около его всеобщее рабство. . . все состояния, окованные без разбора, были равны пред его дубинкою. Все дрожало, все безмолвно повиновалось».

Дальнейшее развитие этой темы дано в «Медном Всаднике» и в «Материалах для истории Петра Великого».

Петр в «Медном Всаднике» не только преобразователь Рос-

сии, но и монарх-самодержец. Он основал Петербург, но и укрепил самодержавие, которое было ненавистно Пушкину и против которого, в лице николаевской монархии, он боролся. Петр — «медный всадник», «горделивый истукан», «кумир», «страшный царь» (в черновых набросках), против которого восстает Евгений.

Завершением работы Пушкина над петровской темой должна была явиться «История Петра Великого», о которой Белинский сказал, что если бы Пушкин успел написать ее, «мы имели бы великое историческое создание». Пушкин не успел полностью осуществить свои замыслы, но и сохранившиеся материалы поражают современного читателя.

Характерна судьба этих материалов. Попытка Жуковского напечатать рукопись Пушкина после его смерти успеха не имела. Николай I указал, что «сия рукопись издана быть не может по причине многих неприличных выражений насчет Петра Великого». В 1840 г. цензура пропустила рукопись, но сделала столько выкидок, что издатели отказались от публикации в таком виде. Впервые в 50-х гг. Анненков опубликовал несколько отрывков. Полностью пушкинская рукопись опубликована только в наше время.

Основную идею пушкинского труда хорошо выражает следующая запись: «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые нередко жестоки, свое нравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего, — вторые вырвались у нетерпеливого, самовластного помещика».

В отдельных заметках Пушкин раскрывает свою мысль и показывает Петра как деспота, как коронованного крепостника. «1714. В сие же время издан тиранский указ о запрещении во всем государстве каменного строения под страхом конфискации и ссылки». «1722. Петр был гневен. Дворяне не явились на смотр. Издал указ, превосходящий варварством все прежние». «1722. Указ: предоставляется на волю помещиков строить новые усадьбы для солдат или разместить их по избам. Но и тут закорючка своевольтва и варварства».

Истоки пушкинского понимания Петра и петровской эпохи идут к Радищеву. В свою очередь пушкинское понимание в своем развитии приводит к оценкам Петра в работах революционеров-демократов 40—60-х гг. (Белинский, Чернышевский, Добролюбов).

Тема народных (крестьянских) движений развернута Пуш-

книжным в таких полотнах, как «История села Горюхина», «Дубровский», «Капитанская дочка», «История Пугачева» и др.

В «Истории села Горюхина» отражена вся крепостническая Россия николаевской эпохи с «политической системой» помещиков — «чем мужик богаче, тем он избалованнее — чем беднее, тем смиреннее», с их «летописями» — родовыми хрониками, отличающимися «ясностью и краткостью слога» — «4 мая. Снег. Тришка за грубость бит... 9 — дождь и снег. Тришка бит по погоде»...

В «Дубровском» «старинный быт русского дворянства... изображен с ужасающей верностью» (Белинский); в центре поставлена фигура крупного феодала Троекурова, которому «все дозволено».

«Капитанская дочка» и «История Пугачева» с поразительной художественной силой и большой исторической правдой рисуют восстание народных масс против самодержавия и помещиков. Пушкин долго и глубоко изучал эту эпоху. Он изучал акты столичных и провинциальных архивов, документы и бумаги государственных собраний и частных коллекций. Не довольствуясь источниками такого порядка, Пушкин настойчиво собирал записи рассказов живых свидетелей и непосредственных участников событий. Информаторами Пушкина были и кадровые пугачевцы — герои восстания, и крестьяне — очевидцы событий, и, с другой стороны, поволжские помещики и купцы, офицеры царской армии и чиновники следственных комиссий и, наконец, писатели — И. А. Крылов и И. И. Дмитриев.

Пушкин — основоположник собирания фольклора о восстании Пугачева и автор великого исторического труда, в котором сделана первая в русской исторической науке попытка осмыслить народные революционные движения.

Пушкин резко порвал с традициями дворянской историографии, заклеив «политические и нравоучительные размышления» таких историков, как Броневский и Сумароков, как «слабые и пошлые», как «несправедливость».

Чтобы лучше оттенить понимание Пушкиным Пугачева и его восстания, напомним, что Броневский писал о Пугачеве, как о «бессмысленном разбойнике», который «как тигр, грабил и лил человеческую кровь без цели, без нужды, и резал, мучил только для того, чтобы резать и видеть кровь, льющуюся к ногам его». А по Сумарокову Пугачеву «предшествовали вопли, ужас, зияла смерть во всем ожесточении; во след ему дымилась пепелища, господствовало пустынное безмолвие».

Звериная ненависть к своему классовому врагу говорит в этих писаниях Броневского и Сумарокова.

Пушкин рисует восстание Пугачева, как грандиозное событие в истории России, как «мятеж, поколебавший государство от Сибири до Москвы и от Кубани до Муромских лесов».

Он глубоко вскрывает основные причины восстания. Рассказывая о начале восстания на Урале, Пушкин называет недобровольных казаков — «народной стороной». «С самого 1762 года стороны логиновской яйцкие казаки начали жаловаться на различные притеснения, ими претерпеваемые от членов канцелярии, учрежденной в войске правительством: на удержание определенного жалованья, самовольные налоги и нарушение старинных прав и обычаев рыбной ловли. Чиновники, посылаемые к ним, для рассмотрения их жалоб, не могли или не хотели их удовлетворить. Казаки неоднократно возмущались, и генерал-майоры Потапов и Черепов... принуждены были прибегнуть к силе оружия и к ужасу казней». В восстание втягивается крестьянство. «Возмущение переходило от одной деревни к другой; от провинции к провинции... Пугачев объявил народу вольность, истребление дворянского рода, отпущение повинностей и безденежную раздачу соли».

В «Пропущенной главе» из «Капитанской дочки» Пушкин рассказывает, как Гринеv встречается плот, плывущий по Волге с тройной виселицей, на которой повешены старый чуваш, заводской рабочий и крепостной крестьянин.

«Только в наши дни, — справедливо отмечает Д. Благой, — исследователи с изумлением распознали, что в этом как будто бы случайном образе Пушкин пластично показал массовых союзников Пугачева — основные движущие силы крестьянской революции XVIII в.»

Сам Пугачев нарисован у Пушкина широкими, правдивыми мазками, которые он взял из фольклора. Пугачев Пушкина вполне соответствует тому богатырю, каким его создал народ. 80-летняя бердинская казачка, о которой Пушкин писал своей жене, и иные безвестные уральские казаки научили Пушкина пониманию Пугачева и передали ему свое отношение к «государю Петру Федоровичу». «Уральские казаки (особливо старые люди) донныне привязаны к памяти Пугачева, — записал Пушкин. — Грех сказать, — говорила мне 80-летняя казачка, — на него мы не жалуемся; он нам зла не сделал. — Расскажи мне, — говорил я Дмитрию Пьянову, — как Пугачев был у тебя посаженным отцом. — Он для тебя Пугачев, — отвечал мне сердито старик, — а для меня он был великий государь Петр Федорович».

Образ Пугачева выступает у Пушкина как образ русского человека из народных масс, поднявшегося до высот государ-

ственной деятельности. Он — выдающийся военный руководитель. «Его движения были столь быстры и непредвиденны, что не было средства его преследовать. Должно сказать, редкий из тогдашних начальников был в состоянии управиться с Пугачевым». Пугачев — талантливый организатор и вдохновитель народного движения. «Первое возмутительное воззвание Пугачева к яицким казакам есть удивительный образец народного красноречия, хотя и безграмотного».

И, вместе с тем, Пугачев наделен большими человеческими качествами — он помнит добро и справедлив («Кто из моих людей смеет обижать сироту! . . . Будь он семи пядей во лбу, а от суда моего не уйдет»).

В «Истории Пугачева» и «Капитанской дочке» Пушкин разрушил ложь официальной исторической науки о восстании Пугачева. Его концепция восстания разрушала ложь теории «официальной народности» о патриархальности русского крестьянства и его преданности существующему феодальному строю. Поэт показал всю остроту классовых противоречий между крестьянством и помещиками и всю неизбежность и закономерность крестьянских восстаний.

Характерны некоторые отклики на «Историю Пугачева», современные и позднейшие. Пушкин записывает в своем дневнике в феврале 1835 г.: «В публике очень бранят моего Пугачева, а что хуже — не покупают. Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге как о возмутительном сочинении. Его клевет Дундуков преследует меня своим ценсурным комитетом».

С точки зрения министра народного просвещения, столпа теории «официальной народности», «История Пугачева», конечно, и не могла быть иной, как «возмутительным сочинением».

П. И. Чайковский в 80-х гг., вдохновленный «Капитанской дочкой», задумывал сделать ее сюжетом оперы, но остановился перед цензурными трудностями. В одном письме он пишет: «Я не думаю, чтобы оказалось возможным появление на сцене Пугачева. Ведь без него обойтись нельзя, а изображать его придется таким, каким он у Пушкина, т. е. в сущности удивительно симпатичным злодеем. Думаю, что, как бы цензура ни оказалась благосклонной, она затруднится пропустить такое сценическое представление, из коего зритель уходит, совершенно очарованный Пугачевым».

Проблема феодализма в России, петровское время и крестьянские движения — центральные исторические темы, отразившиеся в творчестве Пушкина в 30-х гг. Кроме них Пушкин затронул и ряд других исторических тем и вопросов.

Попрежнему напряженным и глубоким было его внимание

к Отечественной войне 1812 г. («Перед гробницею святой», «Бородинская годовщина», «Полководец», «Рославлев» и др.)

Пушкин вновь и вновь возвращается к теме народной войны против Наполеона. В отрывке X главы «Евгения Онегина» поэт пишет:

Гроза двенадцатого года
Настала — кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог?

В «Рославлеве» Пушкин противопоставляет «добрый, простой народ» «светской черни». С глубокой иронией и насмешкой изображает он «патриотизм» верхов общества. «Гонители французского языка и Кузнецкого моста взяли в обществах решительный верх, и гостиные наполнились патриотами: кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русский; кто сжег десяток французских брошюрок, кто отказался от лафита, а принялся за кислые щи. Все заклились говорить по-французски; все закричали о Пожарском и Минине и стали проповедывать народную войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские деревни.

Мнимому патриотизму «светской черни» Пушкин противопоставляет патриотизм «доброе, простого народа», противопоставляет образ Кутузова как мудрого, народного полководца, тесно связанного с армией и народом. «Слава Кутузова неразрывно соединена со славою России, с памятью о величайшем событии новейшей истории. Его титул: спаситель России; его памятник: скала святой Елены!»

События Отечественной войны 1812 г. пробуждали у Пушкина думы и об истоках декабристского движения и о событиях, связанных с этим движением. Недаром отрывки X сожженной главы «Евгения Онегина» начинаются с Аустерлица и 1812 года и кончаются изображением собраний членов тайных обществ, среди которых Пушкин помещает и себя.

Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал.
Читал свои нозли Пушкин,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный книжал.
Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал

И плети рабства ненавдя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

Свидетельством глубокого интереса Пушкина к истории декабристского движения и, вместе с тем, свидетельством неосуществленных замыслов поэта является и набросок повести о прапорщике Черниговского полка.

Наша характеристика исторических взглядов Пушкина в период 1826—1837 гг. была бы не полной, если бы мы не коснулись в заключение интереса Пушкина к истории народов многонациональной Российской империи.

Поэт интересовался историей и бытом литовцев и народов Кавказа и народов далекой Камчатки и т. д.

В стихотворном отрывке «Сто лет минуло как тевтон» Пушкин рисует вековую борьбу литовцев

С медвежьей кожей на плечах,
В косматой рысьей шапке, с луком
Каленых стрел и с верным луком

против немцев.

В «Путешествии в Арзрум» и поэме о Тазите Пушкин выводит народы Кавказа. Поэт знакомится на Кавказе с Ногмовым, кабардинским узденем из племени абадзехов, историком своего народа, собирателем его песен. Ногмов помогал Пушкину собирать местные предания. Этнографический элемент в поэме верно отражает быт и обычаи абадзехов (агалычество, кровомщение и т. д.)

В «Путешествие в Арзрум» поэт заклеил колониальную политику царизма на Кавказе. Настоящим обвинением против самодержавия было следующее изображение жизни черкесских мальчиков-аманатов (заложников): «В крепости видел я черкесских аманатов, резвых и красивых мальчиков. Они поминутно проказят и бегают из крепости. Их держат в жалком положении. Они ходят в лохмотьях, полунагие, и в отвратительной нечистоте. На иных видел я деревянные колодки. Вероятно, что аманаты, выпущенные на волю, не жалеют о своем пребывании во Владикавказе».

Характерно, что Николай I, просматривавший рукопись, выбросил половину этого текста.

В этом же произведении Пушкин писал, что черкесов «вытеснили из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу далее углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги».

Вернувшись в Москву из поездки на Кавказ, Пушкин пишет

стихотворение «Кавказ», в котором во вдохновенных строках выражает свое сочувствие угнетенным народам Кавказа.

Так буйную вольность Законы теснят,
Так дикое племя под Властью тоскует,
Так ныне безмолвный Кавказ негодует,
Так чуждые силы его тяготят. . .

Интересовали Пушкина исторические судьбы и отдаленной окраины Российской империи — суровой Камчатки.

Поэт внимательно изучил и законспектировал IV часть (историческую) труда известного русского ученого XVIII в. С. П. Крашенинникова. Как показывает конспект, наибольшее внимание Пушкина привлекли открытие и завоевание Камчатки и личность первого завоевателя Камчатки Влад. Атласова — «камчатского Ермака», как его называет Пушкин, а также восстание камчадалов в 1731 г. О последнем в конспекте дан большой материал. Привлекла внимание Пушкина и личность вождя восстания 1731 г. Федора Харчина, при чем одна характерная деталь в образе Харчина настолько поразила поэта, что он выделил ее даже в особый параграф: «§ 88. За ним пустилась погоня; но он так резво бегал, что мог достигать оленей. Его не догнали».

Пушкиным была задумана и статья по истории Камчатки, от которой сохранился небольшой набросок. В этом наброске Пушкин дает образы смелых русских землепроходцев.

«Завоевание Сибири совершалось постепенно (в течение целого столетия). Уже все от Лены до Анадыри реки, впадающие в Ледовитое море, были открыты казаками, и дикие племена, живущие на их берегах или кочующие по тундрам северным, были уже покорены смелыми сподвижниками Ермака. Явились смельчаки, сквозь невероятные препятствия и опасности устремившиеся посреди враждебных и диких племен, приводили их под высокую царскую руку, налагали на их ясак и бесстрашно селились между ими в своих жалких острожках».

IV

Александр Сергеевич Пушкин — великий поэт и историк великого русского народа.

И в 20-х гг., в период общественного подъема, и в 30-х гг., в полосу мрачной николаевской реакции, творчество Пушкина было исполнено глубокой веры в силы русского народа, в его великое светлое будущее.

История русского народа, претерпевшего такие бедствия как

тагарское иго и интервенция в начале XVII в., и преодолевшего их, выдвинувшая такие фигуры, как Минин и Пожарский, Ломоносов и Радищев, была животворной основой пушкинского оптимизма.

С глубокой любовью писал поэт об этих народных вождях, мыслителях и ученых. «Имена Минина и Ломоносова вдвоем перевесят, может быть, все наши старинные родословные».

Изумительна характеристика Ломоносова, данная Пушкиным. Она всегда вспоминается, когда мы говорим о Ломоносове: «Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериной II он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом».

Образ Радищева — первого русского революционера — никогда не покидал поэта.

В одном из вариантов «Памятника» Пушкин прямо говорит о себе, как продолжателе дела Радищева.

И долго буду тем любезен я народу,
Что звуки новые для песен я обрел,
Что вслед Радищеву возславил я Свободу
И милосердие воспел.

К Радищеву восходят и истоки пушкинского понимания русского исторического прошлого. От Радищева Пушкин воспринял и далее развил антикрепостническую и революционную направленность исторической концепции, воспринял революционный оптимизм, любовь к героическим сюжетам, двухплановую трактовку петровской эпохи и т. д.

Заложенные Радищевым основы революционной трактовки русского исторического процесса Пушкин творчески развил в 20-х и 30-х гг. XIX в., в новых условиях дворянского этапа освободительного движения в России, обогатив ее всеми достижениями русской и западноевропейской исторической науки.

После разгрома декабристов «во времена безнадежности и упадка» (А. Герцен), когда многие полагали надежды «на возврат к прошедшему», а иные, не веря в творческие силы русского народа, рабски преклонились перед западноевропейской капиталистической культурой, Пушкин остается верен революционным традициям. «Поэзия Пушкина была залогом будущего и утешением» (А. Герцен).

Страстно ненавидя феодально-крепостническую николаевскую Россию и вскрывая всю глубину противоречий между крестьянами и помещиками, поэт остро подмечал противоречия, раздиравшие и капиталистические Западную Европу и Америку.

Великий гуманист Пушкин разоблачает всю холодную беспощадность капиталистической эксплуатации в Англии. «Прочтите жалобы английских фабричных работников: волосы встанут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! какое холодное варварство с одной стороны, с другой, какая страшная бедность! Вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид, о евреях, работающих под бичами египтян. Совсем нет: дело идет о сукнах г-на Смидта или об иголках г-на Джаксона. И заметьте, что всё это не злоупотребление, не преступление, но происходит в строгих пределах закона».

Беспощадно разоблачает Пушкин и всю ложь пресловутой демократии в Америке. «С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Всё благородное, бескорыстное, всё возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстью к довольству (comfort)... рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие... такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами».

Пушкин отрицательно относился к космополитам — восторженным поклонникам западноевропейской культуры и буржуазных порядков на Западе. Обратной стороной этого преклонения перед буржуазной культурой была прямая недооценка национальной русской культуры.

Антипатриотическую природу космополитизма Пушкин раскрывает в «Рославлеве», обрисовывая высшее общество накануне войны 1812 г. «Все говорили о близкой войне, и, сколько помню, довольно легкомысленно. Подражание французскому тону времен Людовика XV было в моде. Любовь к отечеству казалась педантизмом. Тогдашние умники превозносили Наполеона с фанатическим подобострастием и шутили над нашими неудачами. К несчастью, заступники отечества были немного простоваты; они были осмеяны довольно забавно и не имели никакого влияния. Их патриотизм ограничивался жестоким порицанием употребления французского языка в обществах, введения иностранных слов, грозными выходками противу Кузнецкого моста и тому подобным. Молодые люди говорили обо всем русском с презрением или равнодушием и, шутя, предсказывали России участь Рейнской конфедерации. Словом, общество было довольно гадко».

Сохраняя и после 14 декабря 1825 г. традиции революционного патриотизма — традиции Радищева и декабристов — Пуш-

кин, вместе с тем, начинает пересматривать свою историческую концепцию 20-х гг. Некоторые прежние исторические темы, связанные с декабризмом, исчезают (тема Вадима, тема народо-властия у древних славян).

Одной из центральных исторических тем у Пушкина становится тема о массовых крестьянских движениях. Тема эта — новая и необычная для исторических взглядов у дворянских революционеров. Ничего похожего на то, что писал Пушкин о восстании Пугачева, ни у одного декабриста в 20-х гг. мы не найдем.

Великий русский поэт становился уже прямым предшественником взглядов русских революционных демократов — предшественником Белинского, Чернышевского, Добролюбова.

Исторические взгляды Пушкина — крупнейший этап передовой русской исторической мысли на пути от Радищева к революционной демократии 40—60-х годов XIX века.

Редактор — доктор исторических наук профессор *В. В. Мавродин*.

М. — 07699. Подписано к печати 9/V — 1949 г. Объем 3^{1/4} л. Тираж 43.000
Заказ № 539

Типография им. Володарского

40
Цена 1 р.